

Толстой Николай Николаевич

Пришествие Короля

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
Т52

Т52   **Толстой Николай Николаевич**
Пришествие Короля / Толстой Николай Николаевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2012. – 488 с.

ISBN 978-5-458-04527-8

Сорок лет прошло с тех пор, как в битве при Камланне погиб Артур. Больше нет в Британии великого короля, который вернул бы бриттам прежнюю славу. А саксы, что вели себя до сих пор довольно смирно, уже не хотят платить дани, да и грозят войной бриттским королям, погрязшим в междуусобицах... И вот — на престол Гвинедда, одного из крупнейших королевств Британии, восходит Мэлгон Высокий. А в одинокой башне на берегу моря девственница родила чудесное дитя — это не кто иной, как вновь вернувшийся в час беды Мирддин, которого много столетий спустя в легендах о короле Артуре назовут Мерлином...

ISBN 978-5-458-04527-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Толстой
Пришествие Короля

I

ПИР КОРОЛЯ КЕНЕУ

Было в обычае у короля Кенеу Красная Шея накануне дня Калан Май устраивать великий пир, на который сходились благороднейшие мужи Севера, что проводили зиму при королевском дворе, с кровными родичами и приемными¹ с самых дальних, концов Острова Придайн и Трех Ближних Островов². Велико было гостеприимство короля — говорили, что в этом не уступал он самому Риддерху Щедрому. Как рассказывают поэты, никто не покидал двора короля Кенеу в великом городе Каэр Лливелидд, будь то король, священник или же бард, без дорогих даров, и редко когда не пахло от него добрым пивом. Громким был смех, веселыми были игры и славной была похвальба, когда король Кенеу и други его выхватывали лучшие куски свинины из кипящего котла, что стоял посреди зала. Все делалось как должно, и спор за первенство был не горячее, чем подобает, когда столько мужей древнего рода из Тринадцати Племен Севера собираются вместе.

Был тот год, когда король Эдвин из Бринайха крестился в веру Христову, и крестил его не кто иной, как Рин, сын Уриена, дядя короля Кенеу. Монахи Ллойвенидда гордились тем, что морские разбойники пришли просить крещения для своего короля-язычника именно в Регед, у князя Острова Придайн, и полагали, что Рин и вера Христова привели язычников Бринайха под руку короля Кенеу, племянника Рина. Но король Кенеу Красная Шея мало чтил Йессу Триста и потому дал клятву, что крещены они или нет, но еще до лета загонит он короля Эдвина и все племя айнглов назад в море, откуда пришли они.

Король Кенеу держался обычаев отцов: весь этот год носил он вокруг шеи своей гадюку. Была она больше, чем змеи ее рода, и прекрасно изукрашена желтым — желтее цветов утесника в месяц Ауст — и черным, чернее Вод Аннона. Временами поднимала она свою умную острую головку и, выстреливая язычком, шептала что-то на ухо королю. И тогда король Кенеу маб Пасген вещал людям свиты своей о том, что грядет, и об иных тайнах, ведомых в Подземном Мире Аннона, откуда приползла эта змея. Придворный священник неодобрительно смотрел на это, но вслух ничего не говорил. Король Кенеу был властителем нрава изменчивого, быком буйным, медведем ярым в красе гнева своего.

В этот Калан Май придворный бард по обычаю пел песнь Анайрина «Гододдин». Каждый год слезы набегали на глаза мужей, когда слушали они повесть о короле Миниддауге из Айдина и его трех сотнях отважных, павших при Катраэте, когда пытались они этих дикарей айнглов, что захватили Бринайх, изгнать с берегов Острова Придайн. Но спасся из них лишь один, и был это сам поэт Анайрин, чью песнь будут петь до скончания мира.

В тот год, однако, с печалью мешались высокая гордость и гневный вызов, поскольку благородная похвальба короля Кенеу обещала кровавые битвы, что сметут Эдвина назад, в море, «как зимние ливни Эрехвидда сносят запруды в Регеде».

Когда закончена была песнь и затихли рукоплескания, заговорил король Кенеу о благородном своем родиче Мориене, прославленном среди отважных бойцов, который пал при Катраэте. Но, хотя он и погиб, пал он славно, «защищая благословенный покой Мирддина», — так оплакивала его песнь, и именно эти слова

в задумчивости повторял король над полным меда рогом. Потом говорили люди, будто видели, как змея, что вроде бы спала, обернувшись вокруг шеи короля, обезображенной багровым пятном, приблизила голову к уху хозяина и прошептала нечто, чего никто не расслышал. Как бы то ни было, Кенеу маб Пастген заговорил с приближенными своими об этом прославленном волшебнике и проидце.

— Вот если бы этот Мирддин был жив донине и поведал бы нам о нашей судьбе! — вскричал вдруг старый Карадог Белое Бедро, чей отец Брайхиор был среди тех, кто пал при Катраэте. — Он ушел от нас неведомо куда, и ныне грядущее скрыто от нас навеки! В прежние дни мужи знали свою судьбу и потому встречали ее достойно. Но ныне она набрасывается на нас внезапно, как вор или убийца вроде этого проклятого Ллована Кровавая Рука, отправляя наши души в запредельный край не готовыми. Может, мы могли бы даже повернуть события не так, как сулит нам рок, знай мы заранее!

Шепот любопытства прошелестел по чадному залу Слова Карадога отдались в сердцах людей. Геройская смерть, о которой будут петь барды в залах их сыновей и сыновей их сыновей, — вот какого конца желали себе все. Но смерть внезапная и неожиданная не дает воину повелевать своей судьбой, и дух его плохо готов к странствию. Говорили, что тени убитых внезапно обречены весь год бесцельно скитаться, как ночные мотыльки, в самых темных дебрях Келиддонского леса. При Катраэте, как пел Анайрин и как поведал только что Киан-бард, сын Сивно из страны Гвинедд славно и отважно сражался и пал, окруженный валом из вражьих трупов; и все это было заранее ведомо предсказателю.

И тогда стали кричать, дабы Киан-бард, тот, что сложил «Песнь пшеницы», прочел пророчество Мирддина, в коем надо искать указания и предназначения о благоприятных сроках для сбора войск и о том, какие дороги удачны для того, чтобы перейти через горы. Но Киан сидел и бормотал что-то в задумчивости, его ауэн³ покинул его, и в тех стихах, что вспоминал он, были лишь иносказательные упоминания о борьбе чудовищ и драконов, о движении созвездий, о возвышении и падении непонятных королевств. Никто не мог уловить ничего определенного о задуманном походе, хотя некоторое время люди обсуждали те или иные его слова. Киан-бард накрыл одеянием своим голову и отгородился от людей.

Некоторые стали шептать, что дар распознавать смысл видений был отнят у людей, когда веру их предков заменила вера в Йессу Триста. На это придворный священник рассердился и заявил, что святой епископ Киндайрн обладал даром предсказания не меньшим, чем у «какого-то сумасшедшего Мердинуса», и мрачно намекнул на участь, ждущую наследных королей, которые пренебрегают учением Писания, насилуют святых девственниц или похищают церковное добро. И грядущие громы и молнии были столь же сильны, как и то презрение, с которым упоминал он об этой темной личности, об этом лжепророке древних бриттов, чье имя без осторожности упоминать было небезопасно.

Король Кенеу гневно глянул на священника и уже готов был жестоко выругать его. Багровое пятно на его шее начало наливаться ярко-алым, но тут крик с дальнего конца зала привлек всеобщее внимание. Киан-бард вдруг сбросил с головы полы своего одеяния и вскочил. На лице его уже не отражалось того восторга, с каким исполнял он «Гододдин». Он воздел руки, призывая к молчанию. Сразу же почтительная тишина опустилась на собрание. Лишь тихое ши-

пение мокрых поленьев да дальний лай одного из королевских цепных псов, доносившиеся от входа, нарушали молчание.

— Ныне времена уже не те, что прежде, — возгласил поэт высоким, жалобным голосом. — В прежние времена ауэн бил из источников незамутненных, и ход времени был ясной тропой, чье начало, середина и конец были столь же чисты, как долина Ллойвенидда после майских дождей. Тогда к людям Севера нисходило знание обо всем, что было и будет: о разрушениях, похищениях стад и завоевании женщин, о битвах, нисхождении в пещеры и плаваниях, о смерти, пирах и осадах, о приключениях, тайных побегах влюбленных и истреблениях Острова Придайн и Трех Соседних Островов⁴. Тогда люди знали не только о тех битвах, что были прежде, — о побоищах при Камлание, Ардеридде и Годдеу, в которых сражались их праотцы. Из медовых уст Горного Провидца узнавали люди Острова Придайн о войнах еще безымянных, грядущих, в которых их внуки и правнуки будут добывать пиршественный мед свой и славу бессмертную. Но ныне, — горько сетовал бард, — мир совершенно изменился. Для Кимри — горе, а для айнглов — злая радость, что ныне Остров Придайн во власти столь жалких людей после тех, кто защищал его в старину. Чего ради чествовать нас здесь, на пиру, при дворе самого щедрого короля Тринадцати Племен Севера, — тут он на миг замолк, чтобы король Кенеу мог дать знак рабу, который быстро пересек зал и положил к ногам барда роскошно вышитый плащ и богато украшенную камнями брошь, — ради чего, — продолжал он, глянув на королевское подношение (которое он тем не менее приказал своим рабам положить на все растущую груды у опорного столба зала, что был рядом с ним), — оглядываться, уходя, на ярко освещенный зал — неужто только для того, чтобы шагнуть в непроглядную тьму?

Одобрительный шепот, к которому примешивалось все возраставшее любопытство, пробежал по залу. Даже священник сидел в напряженном молчании, в горячей жажде знания, позабыв о том, что нечестиво упоминать о словах того, кто уж точно был не Исайей, а всего лишь языческим лжепророком. Ведь прежде, чем вода крещения смыла с него грехи, он подростком плясал вместе со своими соплеменниками на празднике Калан Газф⁵ вокруг Скалы Мабона маб Модрон, что одиноко возвышается на побережье Регеда. Спасение может принести лишь кровь Христова, но разве сам благословенный епископ Киндайрн не посещал Чародея в его лесном уединении и не изрекал после этого пророчеств о том, что должно свершиться на Острове Придайн? Король Кенеу зашевелился на своем троне.

— Все это верно, — задумчиво произнес он. — Но как можем мы, тщедушные по сравнению с великанами, что жили во дни деда моего Уриена, отбросить эту завесу, когда, как ты говоришь, источник ауэна не бьет больше... и русло его иссохло и завалено камнями?

Киан помолчал. Затем заговорил снова:

— Как ты знаешь, о король, завтра Калан Май. Зал этот украсят зелеными ветвями. Молодежь нашего племени будет плясать на зеленой траве перед входом, а высокородные мужи принесут тебе дань крепким пивом и сладкими кореньями, легкой молочной сывороткой и свежим творогом. Это день, когда наши сердца вновь молодеют, хотя и отягощены они воспоминаниями об ушедших от нас друзьях, что спят в курганах, в долинах или на островах морских. Это день, когда

все приходит в движение: птицы поют, леса зелены, плуги в бороздах, волы за работой, море зелено и капризно, а земля разноцветна.

Король вдруг вспомнил, что очень похожие слова говорил бард и в предыдущий Калан Май, и за год до того, и на лице его отразилось досадливое нетерпение. И тогда бард быстро перешел к делу:

— Но Калан Май не только время для того, чтобы плугу погрузиться в борозду, а кукушке куковать с ветки. Не только сынов человеческих охватывает волнение, но и тех, кто не из рода людского. Когда твои юноши и девушки будут плясать на зеленой траве перед твоей крепостью, на горных пастбищах и на лесных лужайках запоет свои колдовские песни и закружится в серебристой пляске Тилвит Тег, Дивный Народ.

Орды Аннона выбираются из своих подземных чертогов. Среди них мертвые, те наши праотцы, чьи подвиги вспоминают в пиршественных залах Тринадцати Королей Севера. Говорят, что они выходят из своих погребальных курганов и временами говорят с живыми. И те, кто умеет видеть, могут встретить их на закате или рассвете у бродов и границ, на перекрестках дорог, и у изгородей.

— Истинно, истинно! — возбужденно закричали все. Некоторые действительно сталкивались с тенями своих предков и других прославленных людей былых дней. Киан поднял руку, чтобы шум улегся.

— Вы, мужи Регеда, и вы, князья Тринадцати Королевств Севера, что вы скажете на это? Прошлый Калан Газф, когда все оплакивали уход лета, я поспешил на Север по дороге, что ведет через горы к пустоши Годдеу. Я искал свой ауэн, который стал иссякать к концу года. Здесь, в сердце Леса Келиддон, встретился мне ужасный призрак. Он скользил вдоль поляны от земли Придин, стремительно, как ястреб со скалы или как ветер с серого моря, все время левым боком ко мне. Когда спросил я его, что он делает здесь, он ответил, что возвращается, навестив погребальный курган Сына Монахини на горе Невайс. Когда же спросил я его, что он хочет этим сказать, он немного проводил меня по дороге туда, где деревья были реже, и показал на Черную гору, что возносит главу свою над вершинами леса.

— Черная гора? Та, что посреди земель Севера? Что, говорят, касается вершиной самого неба? Но кто такой этот Сын Монахини, о котором говорил призрак? — с любопытством спросил король Кенеу. Змея на шее его сплелась замысловатыми узлами, и огонь умирающего очага блестел на желтом и черном узорах ее тела. Бард кивнул, немного помолчал в глубокой задумчивости, прежде чем продолжить:

— Сын Монахини, как мудрые называют его, будучи в Лесу Келиддон, есть не кто иной, как сам провидец Мирддин. Издалека увидел я озаренный лучом солнца зеленый холм у подножия горы, который казался островом среди черных вод морских под темным небом бури. Это, сказал мне призрак, горседд⁶ Мирддина. Теперь, о король, вот что скажу я: завтра Калан Май, когда, может быть, этот Мирддин Одержимый, как и прочие живущие под землей, очнется. Почему бы всем благородным гостям не собраться здесь завтра поутру — и кто скажет, может, из уст самого Провидца Острова Придайн узнаем мы многое о том, что случится в грядущем году?

На миг тишина воцарилась во мраке королевского зала. Наверху, на стропилах, послышалась возня — всего лишь летучие мыши, что висели по краям крыши,

но минута была такая, что и самые отважные воины призадумались. Однако через мгновение отовсюду послышались одобрительные возгласы. В очаг подбросили еще поленьев, пламя взметнулось вверх, и князя Тринадцати Племен Севера с горячим нетерпением смотрели на знакомые лица.

— Клан дело говорит! — вскричал старый Карадог Белое Бедро. — Я слышал от отца моего Брайхиора, что гробница Мирддина находится на горе Невайс, и скорее всего призрак знал, в каком горседде он покойся. Говорят, что ежели благородный человек сядет на этом горседде, то не уйдет он без того, чтобы не приключилось с ним одно из двух: будет он ранен либо покалечен или увидит чудо.

— Не страшны мне раны среди такого воинства, как это, — заявил король Кенеу, с гордостью обводя взглядом своих приближенных, — и буду рад я увидеть хотя бы тень чуда. Я пойду на этот горседд, и сяду там, и увижу то, что должно увидеть.

Эти слова короля показались придворному священнику кошунством, призыванием дьяволов, демонов и порождений тьмы.

— *Vade retro, Satanas!* Изыди! — громко вскричал он пред лицом всего собрания. — Припомни, король, что всякий, кто в душе верит в то, что Дивный Народ все еще живет в своих холмах, не войдет в Царство Небесное, поскольку верит в то, чего не может быть! Это не нравится самому Христу!

При словах этих в ярости поднялся король Кенеу и гневно посмотрел на священника. Не простой был это взгляд, а смертоносный, который мог причинить человеку великое зло. Но Божий человек, на счастье свое, тут же припомнил, как сам благословенный Кадог вызывал из могилы Кау из Придина, вопрошая этою великана о минувшем.

— Воистину, чудо это стало известно по всему Северу, — поспешно объяснял священник, — и благословенный Кадог получил двадцать четыре крестьянских двора в благодарность за свой святой труд. И потому ясно, что я ошибался, и открытие могильного кургана во имя Христа, после поста и молитв — дело почтенное в глазах Божьих.

И тогда король Кенеу снова сел и отвел свой смертоносный взгляд от священника двора своего. Но крестьянских дворов он ему не пожаловал, не упоминается также, чтобы он постился либо молился.

Итак, три дня спустя, когда солнце только начало золотить белые вершины гор, король Кенеу Красная Шея, сын Пасгена, сына Уриена, и три сотни воинов его подъезжали к склонам Черной горы. Даже в сером сумраке чащи, еще не согретой весенними рассветными лучами, являли они собой красивое зрелище. Они шли на рысях, все верхом на быстроногих конях, все богато разодетые в золото и пурпур, в одежды из самых дорогих полосатых и клетчатых тканей. Золотые застежки на плечах их и рукояти мечей тепло поблескивали в полумраке. И всю дорогу кричали они, смеялись и пели веселые песни.

Путь их вел на север от плодородной долины Ллойвенидд, где внешние луга были усыпаны яркими цветами. Были они столь же изобильны и сверкали в сиянии дня, как по ночам сверкает звездная твердыня чародея Гвидиона на лиловом куполе неба. Трудились волы и плуги, молодежь отгоняла пятнистых коров на горные пастбища, из ульев и голубятен доносились жужжание и воркование, говорившие о радости народившейся жизни. С заката до рассвета горели повсюду

ду на вершинах холмов костры Кинтевина⁷, а по склонам весело катились огненные колеса. И только плач кукушки на ветке в долине Куаог в один миг возвращал мысли людей к печали по ушедшему году, к печали о том, что все в мире стареет и умирает, о тех, чья недолгая жизнь закончилась в том году.

У брода Эрехвидд, близ разрушенной крепости Ардеридд, куда бежал Мирддин после гибели короля Гвенддолау и его дружины, свита короля Кенеу на некоторое время умолкла, ибо теперь шли они по стопам самого Провидца, когда в безумии удалился он на пустоши Годдеу. Более того, они углубились в недобрые земли Севера, лежавшие за пределами великой стены Гваол, что тянется от моря Регед до моря Удд, словно цепь, и отделяет левую часть острова от правой. К югу находится земля племен Кимри, которые живут каждый в своем владении и в своем доме в самой прекрасной земле на свете. К северу лежат голые, продуваемые ветрами горы, зловонные болота, пустынные нагорья, населенные одними только ядовитыми змеями и заполненные опасными для дыхания туманами и испарениями. Среди валунов на вересковых пустошах и в лесных зарослях летают бледные гвиллион, призраки мертвых, и тихо стонут, словно летучие мыши, среди раскатов грома в серых грозовых тучах и завывания ветра над вересковыми полями.

Но цель людей Севера была высока, и сердца их горячо бились, и даже когда они покинули широкую равнину Регеда и стали подниматься по мощеной дороге, проложенной в давно минувшие дни людьми Ривайна в горы, сердца их были полны великих ожиданий. Деревья сомкнулись вокруг них так, что солнце едва касалось теплыми своими лучами земли, но души воинов были полны возбуждения и предвкушения, от которых сердца бились быстрее, и даже смех временами слетал с их уст.

И тогда Киан-бард, что ехал рядом с королем впереди дружины, убрал арфу в чехол и показал вперед, туда, где вправо ответвлялась тропинка. Она была отмечена огромным камнем, что торчал из лесной почвы, покрытой прелой листвой. По углам были высечены на нем странные руны — словно бы великан схватил его и воткнул в землю, оставив на камне следы своих пальцев⁸. Тень каменной плиты наискось пересекала их тропу, и дыхание силы, обитающей в камне, и рунных чар струилось по прогалине — раскачивались под порывами теплого ветра голые ветви и холодным взглядом следил кто-то из сумрака корявых стволов, корней и трutowиков.

Держась подальше от огромной плиты, воинство короля Кенеу свернуло туда, куда указал бард. Даже из храбрейших немало тайком осенили себя знаком креста. В молчании отряд проехал по лесной тропе по дну долины, пересек поток и потом поднялся по склону. Вскоре тропинка превратилась в едва заметный след, выющийся между валунами, по которому люди могли проехать только цепочкой. Там, где земля была мягкой, виднелись оленьи следы, но не было ни единого следа человека или лошади. Они вступили в пустую и недобрую землю, в которой обитали не люди, а чудовища и призраки. Здесь не закон Белого Христа и не воинство его устанавливали мир и порядок, а рогатые, клыкастые, косматые, чешуйчатые полчища Кернуна, оленьерогого владыки дикой природы, который, скрестив ноги, восседает среди волков на вершине горы Невайс, одним взглядом охватывая все затянутае туманом нагорья между Стеной Гваол и рекой Гверит на границах Придина.

Немного спустя госгордд⁹ короля Кенеу выехал из тени дубравы и выбрался на голый склон каменистого холма, тут и там поросшего согбенными от ветра колючими деревьями, коричневым вереском и утесником, еще не ожившими от прикосновений весны. За ним, смутно рисуясь на хмуром небе, возвышалась огромная гора. Снег лежал на вершине и на широких склонах ее. Не слышалось здесь пения птиц, лишь поток, стремясь в темную лесную глушь, грохотал в глубокой каменистой расселине ниже каменной тропы.

Внезапно бард, ехавший впереди короля Кенеу, натянул поводья своего коня и показал налево. Он что-то прокричал, но слова его потонули в шуме воды, их подхватил порыв горного ветра и унес над склоненными кустами ракитника за склон холма. Глянув туда, куда указывал поэт, Кенеу маб Пасген увидел клочок поросшей травой земли, на котором возвышался небольшой зеленый курган, круглый и гладкий, как чрево матери, носящей ребенка. Вокруг него были только голые каменистые горные склоны. По виду это была одна из тех могил, о которых поют поэты, — покрытая травой и омываемая дождями.

Сын Монахини спит на горе Невайс,

Владыка битвы, Ллеу Эмрис,

Глава чародеев, Мирддин Эмрис, —

задумчиво прошептал Киан-бард — Наверное, это то место, о котором говорил серый призрак. Ныне пришло время испытать мое искусство барда!

Был ни день ни ночь — бледный предрассветный час. Владыки Регеда и Ллеуддиниауна умылись росой, разбросали вокруг себя ветви рябины, наломанные по выходе из чащи, и улеглись на траву. Бард и король поднялись на горседд как раз тогда, когда первый луч рассветного солнца вырвался из-за склона горы — склон этот зовется Кадайр Артур, и под ним в глубоком пещерном зале живет сам император Острова Могущества, окруженный павшими воинами Кнмри.

Киан-бард плеснул наземь меда из чаши и расстелил желтую телячью шкуру, чтобы его господин мог лечь. Король Кенеу маб Пасген маб Уриен, владыка Ллойвенидда и Эрехвидда, хозяин широкого меча, гордый в зале пиршественном своем, защитник страны и вдохновитель в битве, растянулся на шкуре и закрыл глаза. Киан увидел, как гадюка, что была на его шее, расплела свои кольца и, скользнув в расселину, ушла под землю. Поднялся густой туман и окружил горседд, скрыв его от взглядов расположившихся вокруг него воинов. И показалось, что нежная музыка зазвучала в воздухе рядом с ними, прекрасная, как звон Арфы Тайрту или пение Птиц Рианнон. Внизу, на траве, князья потягивались, зевали, и веки их против воли слипались. Морок снизошел на них, сны и видения овладели ими.

Густой туман клубился у ног Киана, поднимаясь до колен, так что они с королем были как бы замкнуты в бесформенном пространстве. Гора и воздух над ней стали холодными-холодными — словно кряжи Эрири. Бард молитвенно воздел руки, в одиночестве стоя в Середине Мира, и прокричал исчезающему горному склону и пустому небу такие слова:

Черен конь твой, черен твой плащ,

Черна голова твоя, черен ты сам,

Черноголовый, ты ль — Одержимый?

Произнося эти строки, он ощутил, как сон охватывает его. Вскоре Киан заснул, как и его спутники. И пока те спали, королю и барду было во сне видение.

И было то одно из Трех Великих Открытий Курганов Острова Придайн, и свидетелем тому стал Киан-бард, тот, кто пел «Песнь пшеницы».

И показалось королю Кенеу и его спутнику, что встал из середины горседда человек, куда более могучий сложением, чем люди нынешнего времени. Одеждой служили ему звериные шкуры, редкие седые волосы ниспадали на плечи, безумным и истощенным было бледное его лицо. На месте его левого глаза была сморщенная пустая глазница. Взгляд его, казалось, был полон боли и ярости, и гневно заговорил он:

— Что тревожит тебя, о король? Зачем пробудил ты меня, ушедшего из мира людей?

Великий страх обуял короля Кенеу при виде огромного незнакомца, поскольку явился он из иных времен и слишком велики были дух его и мудрость.

— Пришел я, — услышал он свой голос, — из краев ведомых и краев неведомых, чтобы узнать от тебя место, где умерло знание и неведение, и место, где они родились, и место, где погребены они. И чтобы узнать это, я должен спросить тебя, как зовешься ты, господин, и откуда пришел ты?

Незнакомец горько усмехнулся.

— Кому, как не тебе, знать это, о Кенеу, сын Пасгена, сына Уриена, сына Кинвэрха, сына Майрхиауна, сына Горгоста, сына Коэла Старого — разве ты пришел сюда не для того, чтобы найти меня? Некоторые зовут меня Эмрис — Святой. Другие зовут меня — «морская твердыня», коя и есть Остров Могущества, где правишь ты и жалкие люди твоего времени. Дураки зовут меня Сын Монахини, а злобные бритоголовые священники называют меня Мердинус — куча дерьма. Зови меня как пожелаешь, я — Мирддин маб Морврин. Я три десятка лет пролежал в снегу по бедра, дождь хлестал меня, роса пропитывала меня. Давным-давно уже я мертв. Теперь я назвал себя и исполнил твое желание. Одному мне дано предсказать приход девятого вала. О чем ты хочешь узнать?

Но напрасно пытался ответить король Кенеу. Ему хотелось узнать, кто одержит победу нынешним летом — люди Регеда или полчища завоевателей-айнглоу из Бринайха. Но теперь казалось ему, что эти битвы уже были, хотя исход их он понимал смутно. Перед ним как в тумане закружились короли Севера, их битвы, их крепости, их гробницы в горах. Время вращалось вокруг него, как жернов в Западном Море, которое поглотило Брихана Гвидделиана. Он уже не знал, был ли он потомком королей, которые некогда правили в Регеде, — отца его Пасгена и деда Уриена, или тех, кто еще будет править, чьи имена были предсказаны ему друидами в то время, когда он стал королем. В его ушах звучал ужасный крик, что каждый Калан Май пронесется над всеми очагами Острова Придайн, пронзая сердца мужей и пугая их так, что кровь отливает от щек и сила покидает их. Крик этот заставляет женщин выкидывать плод, сыновей и дочерей лишает чувств, и все животные, леса, земля и вода становятся бесплодными. Земля начинает вспучиваться и колыхаться, как океан. Деревья и башни, утесы и холмы, болота и горы дрожат и начинают падать друг на друга.

Король Кенеу понял, что расшаталась опора вращения мира, но Мирддин взял его за руку и повел в безопасное место, на самую вершину Черной горы. Там увидели они ровную зеленую площадку не больше загона для свиней. Оттуда им были видны все многоцветные края земли, что простирались под ними, окружавшее их синее море и далекий оком, край мира. Ветер, сильнее которого не было